

КАЖДАЯ ЖИЗНЬ — ИСТОРИЯ

Gala

Биография

Рекомендуемая розничная цена 40 рублей

№5 май 2008

**КАЙЛИ
МИНОУГ**

«Я и есть секс-бомба»

**РУДОЛЬФО
ВАЛЕНТИНО**

Одиночество
Бога любви

**ВЕРА
БРЕЖНЕВА**

«Я училась
рассчитывать
только на себя»

**СКОТТ
И ЗЕЛЬДА
ФИЦДЖЕРАЛЬД**

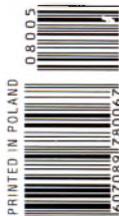
Мания любви

**ВИКТОР
ЧЕРНОМЫРДИН**

«Романтика больше
по работе была»

СОФИЯ РОТАРУ

Умение радоваться простым вещам

Содержание

100 СЛОВ

12 **Международный день семьи** – крепка семья ладом.

ШОУ-БИЗНЕС

14 **Кайли Миноуг** – «Когда приходится заново отращивать ресницы и волосы, многое переоцениваешь».

108 **Вера Брежнева** – «По логике, когда в 18 лет зовут замуж, надо соглашаться».

140 **Джоан Коллинз** – «У меня как-то за две недели было четырнадцать мужчин».

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

34 **Скотт и Зельда Фицджеральд** – пощечина общественному вкусу.

ОБЛОЖКА/СЕМЕЙНЫЙ ФОТОАЛЬБОМ

54 **София Ротару** – «Из малых радостей складывается большое счастье».

стр. 14
Кайли Миноуг:
возвращение
к жизни.

стр. 124 Виктор Черномырдин: дети, внуки и дела государственные.

стр. 108

стр. 94

БИЗНЕС

66 **Арманд Хаммер** – «Золотое правило: у кого золото, тот и прав».

БИОГРАФИЯ ВЕЩЕЙ

84 **Корсет** – где талию делать будем?

ЛЕГЕНДЫ XX ВЕКА

94 **Рудольфо Валентино** – первый «мачо» мирового кинематографа.

ИНТЕРВЬЮ МЕСЯЦА

124 **Виктор Черномырдин** – «Никогда не хотелось все бросить и уехать жить в лес».

ВЛАСТЬ

154 **Лариса Рейснер** – «Красива, но совершенно бездарна».

ФОТОБИОГРАФИЯ

172 **Джордж Клуни** – «Моя жизнь – сплошной праздник!»

ЗАГРАНПАСПОРТ

186 **Иван Славинский** – трудности денежного перевода.

ЛЕГЕНДЫ

188 **Фрина** – куртизанка, ставшая Афродитой.

- главный редактор **Надежда Бороздина**
- зам. главного редактора **Сергей Козицкий**
- арт-директор **Константин Вечерин**
- редакция **Юлия Цимахова** (ответственный секретарь),
Андрей Захарьев, Елена Юханова (редакторы),
Нина Переведенцева (корректор), **Евгения Зверева** (ассистент)
- фоторедактор **Антон Колотвин**
- дизайнер **Любовь Голубкова**
- в работе над номером принимали участие **Елена Алексеева, Мария Бахарева, Нина Беленицкая, Юлия Богрис, Вита Буйвид, Юлия Власова, Александр Зубков, Борис Когут, Ирина Кравченко, Алена Порик, Елена Прокофьева, Вадим Эрлихман**
- адрес редакции **123100, Москва, Шмитовский проезд, д. 3, стр. 3, телефон: (495) 937 6090, факс: (495) 937 6091**
e-mail: gala_biography@jirussia.com
- подписка на «Gala Биография» (495) 789 9078, e-mail: geo@dzb.ru
- распространение и подписка за рубежом **DPV Worldwide GmbH, Postfach 570536, 20010 Hamburg, Germany**
телефон: (4940) 237110, факс: (4940) 23711176, www.dpv.de
- Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, свидетельство о регистрации ПИ № 77-18063 от 24 мая 2004 года, ISSN: 1814-5094**
- учредитель и издатель **ЗАО «Грунер+Яр ЗАО»**
- генеральный директор **Кристина Айбль**
- помощник генерального директора **Юлия Дедкова**
- операционный директор **Феликс Кристиансен**
- директор по персоналу **Кира Донская**
- отдел рекламы **Ольга Мартыненко** (директор по продажам рекламы группы Gala),
Юлия Голофеева (менеджер по продажам рекламы), **Анна Козлова** (координатор), **Карина Котова** (трафик-менеджер), **Анна Чупова** (менеджер по маркетинговым исследованиям)
- коммерческий директор **Дарья Богомолова**
- маркетинг и распространение **Сергей Пыжиков** (директор по дистрибуции), **Юлия Реут** (заместитель директора и руководитель направления подписки), **Ольга Рогова** (старший менеджер по продажам), **Екатерина Атоманенко** (менеджер по продажам), **Ольга Соколовская** (директор по маркетингу), **Александра Алюкина** (PR-менеджер), **Наталья Задворная** (менеджер по маркетингу и специальным проектам)
- технический отдел **Сергей Черкасов** (директор), **Светлана Чучик** (заместитель директора),
Татьяна Шопова (принт-менеджер), **Владимир Дегтярев** (цветокоррекция),
Николай Комаров (цветокоррекция), **Павел Ярцев** (системный администратор)
- финансовый отдел **Людмила Нижегородцева** (финансовый директор), **Галина Сокур** (главный бухгалтер), **Ирина Шумова** (старший финансовый контролер), **Людмила Букреева** (бухгалтер), **Юлия Гомбоева** (бухгалтер), **Найля Кармеева** (бухгалтер)

номер подписан в печать 11 апреля 2008 года
предпечатная подготовка KENTIA (Москва), «Пронат Пре Пресс» (Москва)
отпечатано в типографии RR Donnelley Europe (Польша)
цена свободная

Следующий номер поступит в продажу 28 мая 2008 года

«Такая любовь бывает раз в столетие»

ЕСЛИ БЫ РЯДОМ С ФРЭНСИСОМ СКОТТОМ ФИЦДЖЕРАЛЬДОМ БЫЛА ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА, ТО ОН ЖИЛ БЫ ДОЛЬШЕ И УЖ НАВЕРНЯКА СЧАСТЛИВЕЕ. НО СУДЬБЕ БЫЛО УГОДНО, ЧТОБЫ РЯДОМ БЫЛА ЗЕЛЬДА. КРАСИВАЯ, ГЛУПАЯ, ВЗБАЛМОШНАЯ, ОНА ВЫТЯСАЛА ЕГО КАРМАНЫ, РАСШАТАЛА ЕГО НЕРВЫ, ИССУШИЛА МОЗГ И УСКОЛЬЗНУЛА ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, СКРЫВШИСЬ В ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ.

Текст: Елена Алексеева

Возможно, что на месте Зельды другая женщина свила бы Скотту уютное гнездышко, нарожала бы ему кучу детишек и уж точно воспитала бы в них должное почтение к отцовским трудам. Не исключено, что эта жизнь была бы так хороша, что Фрэнсис Скотт Фицджеральд задержался бы в ней подольше, написал бы еще с десяток романов и умер в глубокой старости. А на его могиле, вместо казенного кладбищенского дерна, цвели бы пышные розовые куртины – свидетельство памяти благодарных потомков. Вот только были ли нужны ему эти нерожденные ребятишки, ненаписанные книжки и все то, что принято называть семейным счастьем? И не отдал ли бы он всю пышность траурных роз за одну единственную Розочку, что когда-то ошлепа его по рукам и ногам, одурманила сладким ароматом и всеми своими шипами навсегда вонзилась в его сердце?

Розочкой называл ее отец, Энтони Сейр. Имя Зельда казалось ему нелепым – не имя, а собачья кличка. Жители городка Монтгомери были со-

лидарны с судьей Сейром. В их краях, на Юге, люди чтили традиции. Виданное ли дело – назвать девочку из приличной семьи в честь какой-то цыганки, героини романа! Именно так матушка Сейр объясняла свой выбор. Она вообще любила все необычное. Взять хотя бы ее наряды – она придумывала их сама. И все дамы города единодушно сходились во мнении, что фантазии Минни Сейр в этой области далеки не только от текущих модных тенденций, но и от элементарного здравого смысла.

Кроме престранной манеры одеваться, Минни эпатировала жителей городка еще и тем, что играла на трубе, занималась акробатикой, выписывала вестник «Гигиена женщины» и даже пыталась распространять крамольные идеи его авторов среди местных дам. По счастью, судья Сейр, уступая жене в ее малых прихотях, все важные решения принимал единолично, а потому, несмотря на слезы матери, в положенный срок Зельду отправили в колледж. И хотя прилежание не относилось к числу ее добродетелей, ▶

СКОТТ И ЗЕЛЬДА ФИЦДЖЕРАЛЬД

С восьми лет Зельда модно одевалась и считалась чуть ли не воплощением красоты американцев-южан.

▶ в колледже девочка научилась всему, что по меркам того времени полагалось знать и уметь богатой южанке. А именно: рисовать, музицировать, танцевать и – новое слово в американской образовательной системе для женщин – плавать. С этим симпатичным и необременитель-

ным багажом восемнадцатилетняя Зельда и покинула колледж в звании «самой красивой выпускницы». Правда, в сопроводительном письме, адресованном ее родителям, директриса все же заметила, что мисс Сейр своенравна, несдержанна в эмоциях и склонна к истерикам.

Впрочем, Америки тут директриса не открыла. Сейры прекрасно знали характер своей дочери. И по возвращении домой предоставили ей полную свободу. Отчасти потому, что признавали свое педагогическое бессилие перед штормовым темпераментом Зельды. Отчасти потому, что жизнь переменилась, и девушки Монтгомери теперь вели себя куда вольнее, чем прежде.

Шел 1918 год. Соединенные Штаты наконец начали военные действия в Первой мировой войне, которая вот уже несколько лет полыхала по Европе. Рядом с Монтгомери разбили военный лагерь, и жизнь в городке забурлила. На каждом углу открывались дансинги и рестораны. Девушки взяли моду открыто пить виски и кататься с офицерами в автомобилях. Иногда катались до утра, и это вовсе не означало, что за прогулкой последует обручение.

Но Зельда Сейр и тут всех переплонула. На благотворительном балу в честь Вооруженных сил США она исполнила эротически-патриотический номер, стяжавший ей славу самой отчаянной девушки Алабамы. Под песню «Звездно-полосатое знамя» Зельда вдруг неожиданно для всех и вроде бы не к месту задрала юбочку и продемонстрировала публике хорошенький задик, обтянутый кружевными штанишками. Офицеры аплодировали стоя.

В другой раз в общественном бассейне она на виду у всех стянула с себя мокрый купаль-

ник, отжала и надела снова. Право же, ей нечего было стесняться. Сложена она была превосходно! Дай бог всем девушкам такие талию, ноги, бедра и грудь. А вдобавок еще и прелестное, свежее личико, глаза необыкновенного янтарного цвета и розовый кошачий ротик.

Юный Скотт посвящал много времени самообразованию, за что над ним жестоко издевались сверстники.

Увы, другие девушки Монтгомери не обладали всеми этими достоинствами, по крайней мере, в совокупности. Поэтому имели к Зельде множество претензий. Несколь-ко раз они объявляли ей бой-

кот. Акция совершенно бессмысленная, ибо Зельда никогда не испытывала недостатка в общении. Более того, временами оно ее утомляло. Особенно когда кто-нибудь из поклонников принимался досаждать ей докучливыми предложениями о замужестве. «Замуж?! – кокетливо вздергивала она брови. – С чего это вы решили, будто бы я пойду за вас замуж? Ну и что, что я позволила себя поцеловать! Просто я еще ни разу не целовалась с усатым мужчиной, и мне стало интересно. И не смейте дуться на меня!»

Дуться на нее было невозможно. Зельду обожали все, даже жертвы ее интриг. В конце концов, она отшила столько женихов, что те перестали смотреть друг на друга как на соперников и чувствовали себя едва ли не братьями. Зельде удалось даже то, что сроду не удавалось их командирам. Офицеры летной дивизии сдружились с офицерами 67-го пехотного полка! Обе части стояли в расположении учебного лагеря близ Монтгомери, но, мягко говоря, не слишком симпатизировали друг другу – орел суслику не товарищ, как гласит старая армейская поговорка. Прекрасная Зельда уравнила в правах «орлов» и «сусликов», наградив и тех, и других равным количеством поцелуев и одинаково надсмеваясь над обоими, что в итоге способствовало единению Вооруженных сил Соединенных Штатов Америки.

Младший лейтенант 67-го пехотного полка Фрэнсис Скотт Фицджеральд не был красивее, остроумнее или настойчивее товарищей по оружию. Просто он был новеньким, и никто еще не успел сообщить ему, сколь опасна прекрасная Зельда Сейр.

Он же нашел ее очаровательной. Они премило поболтали о Китсе, и оказалось, что их впечатления от его стихов во многом схожи. Вдохновленный Фрэнсис, желая произвести впечатление, сообщил, что он и сам, знаете ли, некоторым образом литератор. А в армию он пошел, чтобы набраться новых впечатлений, которые необходимы ему для творчества. На тот момент это было, мягко говоря, преувеличением.

В армию Фицджеральд пошел потому, что, проведя три года в Принстоне, понял: лучше умереть на поле боя, чем бесславно зачехнуть над дурацкими учебниками. Учеба ему не давалась. И дело тут вовсе не в отсутствии способностей. Напротив, Фрэнсис Скотт Фицджеральд был способным и весьма наблюдательным юношей. Поэтому быстро смекнул, что самый долгий и самый маловероятный путь к жизненному успеху и процветанию – это корпение над науками.

На помощь родителей рассчитывать не приходилось. Во-первых, они были небогаты, а во-вторых, решительно не разделяли тягу сына к соблазнам окружающего мира. Молодому человеку, по их мнению, не пристало мечтать о собственном автомобиле, мечтать нужно о том, чтобы приносить людям пользу. К чему дюжина галстуков, когда папа всю жизнь прекрасно обходился тремя: для будней, для праздников и на случай похорон? Ну и тому подобное. Их рассуждения приводили юного Фицджеральда в бешенство.

Сперва Скотт решил стать знаменитым футболистом. Эти ребята и тогда загребали неплохие деньги. Собственно из-за футбола он и подался в Принстон. В ту пору там была самая сильная футбольная команда. Но спортивная карьера не удалась. Кажется, его сочли неперспективным.

Тут начитанный юноша весьма кстати вспомнил известное высказывание Бернарда Шоу: «Если тебе нравится то, что тебе недоступно, полюби то, что у тебя есть». А что у него было? Да, пожалуй, ничего. Правда, школьный учитель литературы отмечал недурной слог его сочинений. И Фицджеральд взялся за перо.

«ЗАМУЖ?! С ЧЕГО ЭТО ВЫ РЕШИЛИ, БУДТО БЫ Я ПОЙДУ ЗА ВАС ЗАМУЖ? НУ И ЧТО, ЧТО Я ПОЗВОЛИЛА СЕБЯ ПОЦЕЛОВАТЬ!»

В юности Зельда брала уроки балета и ходила на танцы. Позже она напишет, что время, проведенное в Монтгомери, не было похоже ни на какое другое.

СКОТТ И ЗЕЛЬДА ФИЦДЖЕРАЛЬД

«Курить я начал только в университете на втором курсе, а уже через год у меня обнаружили туберкулез».

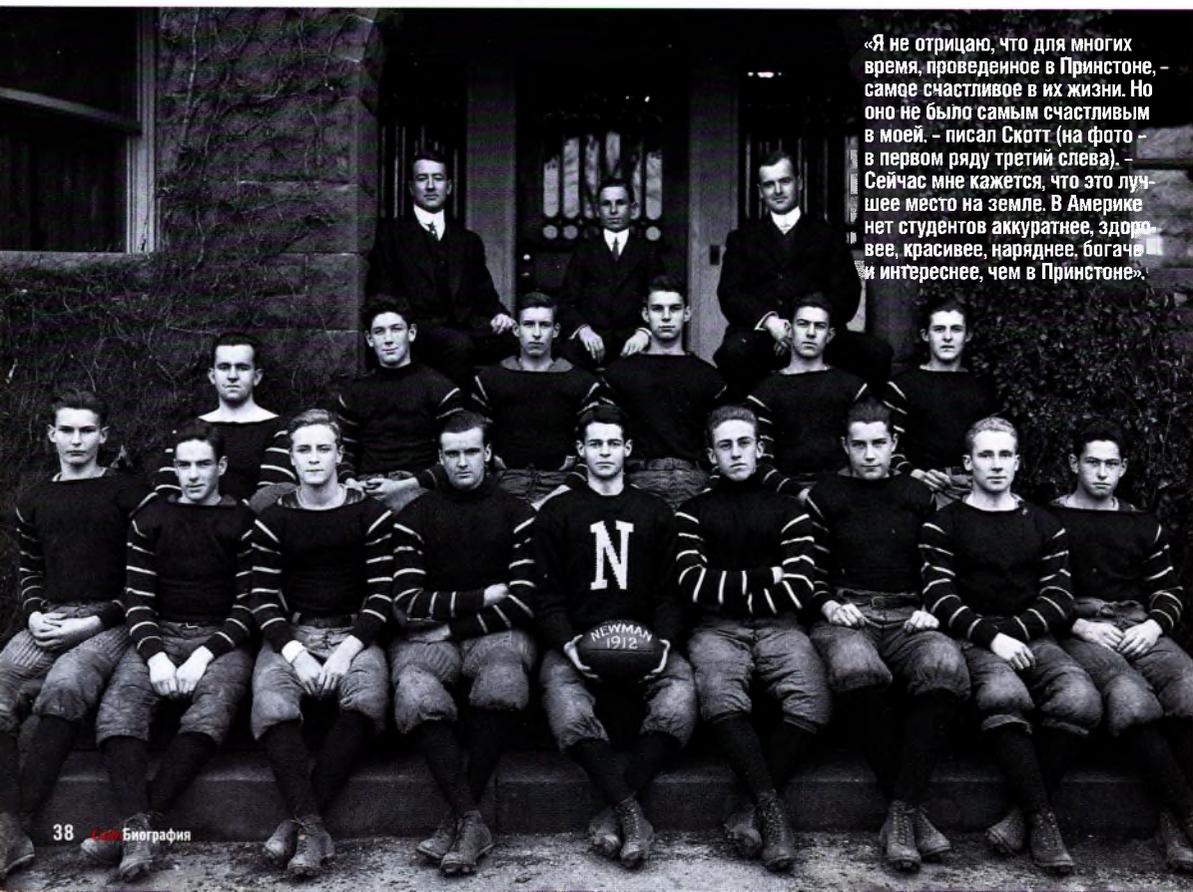
СКОТТ ОПРЕДЕЛИЛСЯ В РЕГУЛЯРНУЮ АРМИЮ – ПОДАЛЬШЕ ОТ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ДОКУКИ И РОДИТЕЛЬСКОГО ГНЕВА

Писал он легко, быстро, не ведая пресловутых мук в поисках нужного слова. Слова находились сами. И для юмористических рассказов, которые он опубликовал в студенческом альманахе, и для пьес принстонского театра, и для романа с претенциозным названием «Романтический эгоист». Согласно честолюбивым замыслам автора благодаря этому роману он в скором времени должен прославиться как певец нового поколения.

Увы, недалёковидные преподаватели Принтона продолжали изводить юного гения своими мелочными придирками. И на третьем году обучения, завалив очередную сессию, Скотт определился в регулярную армию – подальше от университетской докуки и родительского гнева. И то и другое казалось ему страшнее смерти.

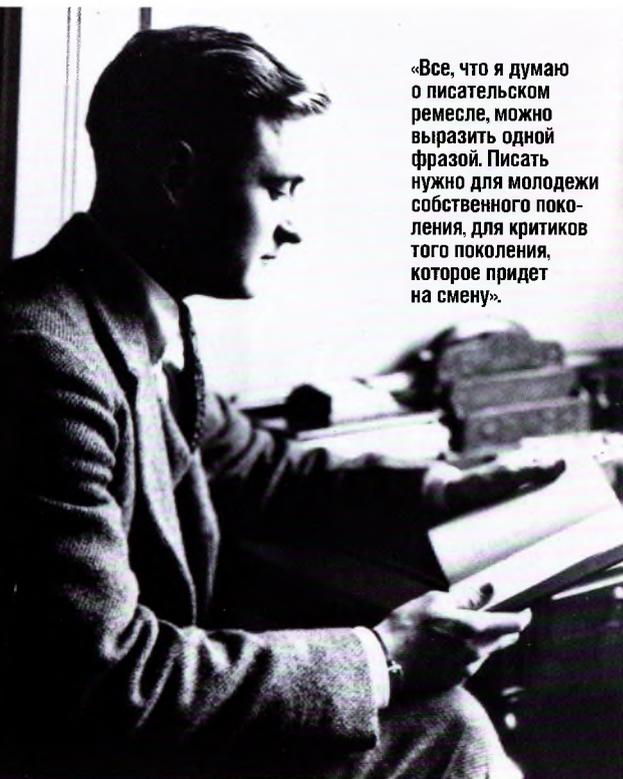
К счастью, младшему лейтенанту Фицджеральду не представилась возможность убедиться в глубине своих суждений – их полк не отправили на фронт, а расквартировали до поры

на территории учебного лагеря близ Монтгомери, где он, как мы уже знаем, и познакомился с Зельдой. Они встречались почти каждый день,

«Я не отрицаю, что для многих время, проведенное в Принстоне, – самое счастливое в их жизни. Но оно не было самым счастливым в моей, – писал Скотт (на фото – в первом ряду третий слева). – Сейчас мне кажется, что это лучшее место на земле. В Америке нет студентов аккуратнее, здоровее, красивее, наряднее, богаче и интереснее, чем в Принстоне».

СКОТТ И ЗЕЛЬДА ФИЦДЖЕРАЛЬД

«Все, что я думаю о писательском ремесле, можно выразить одной фразой. Писать нужно для молодежи собственного поколения, для критиков того поколения, которое придет на смену».

«ВОЗМОЖНО, НАШ ПОЛК СКОРО ОТПРАВЯТ НА ФРОНТ, ГДЕ Я НАВЕРНЯКА ПОГИБНУ. НО МНЕ НЕ СТРАШНО»

«Привези мне квартиру — я за все лето не выпила ни глотка, а ты ведь уже, по мнению миссис Сейр, гиблая душа в отношении алкоголя — после твоего отъезда все углы были заполнены бутылками писала Зельда Скотту».

если только Зельда не принимала приглашения другого кавалера. Пенять ей на это было невозможно. «Что плохого, если девушке захотелось прокатиться в авто! Разумеется, мне было бы намного приятнее кататься с тобой, но у тебя ведь нет авто». Ну что тут скажешь! Автомобиль действительно не было, как не было денег на приличный ужин в ресторане, на хорошенькие шляпки, зонтики, духи и прочую милую женскому сердцу чепуховину, которой богатые офицеры одаривали своих подружек.

Зато был недописанный роман, на который Фицджеральд по-прежнему возлагал большие надежды. Времени для работы над ним было немного, но Фицджеральд использовал каждую свободную минуту. Желание Зельды поехать омаров в модном ресторане или ее замечание по поводу его дешевого бриолина, который так стягивает волосы, что «ты, милый Скотти, даже глаза во время поцелуев не закрываешь, тарачишься на меня, будто ястреб», подстегивали его вдохновение.

Так что уже через месяц Фицджеральд упаковал рукопись в конверт, присовокупив к ней со-

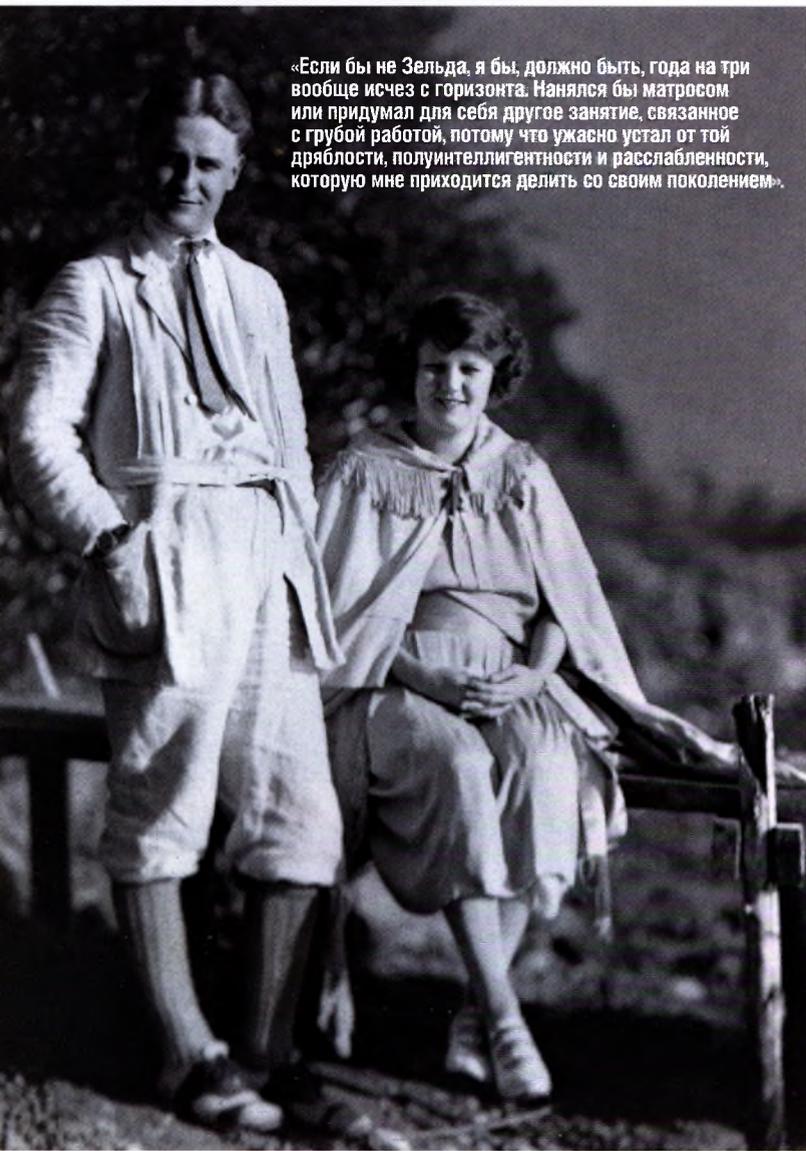
проводительное письмо следующего содержания: «Возможно, наш полк скоро отправят на фронт, где я наверняка погибну. Но мне не страшно. Кое-что я все-таки успел —

написал роман о жизни своего поколения, который прочтут миллионы. Если к тому времени, когда роман издадут, меня уже не будет в живых, пожалуйста, передайте гонорар мисс Зельде Сейр, г. Монтгомери, Алабама».

Ответ редактора был краток, элегантен и беспощаден. «Ваш роман несомненно имеет некоторую литературную ценность. Но для того, чтобы он приобрел ценность коммерческую, его необходимо доработать. Советую приняться за дело как можно скорее, пока вас еще не убили».

Фицджеральд был в отчаянии. Оно усугублялось еще и тем, что спустя несколько дней после получения им злополучного письма Америка подписала мирный договор. Война закончилась, вольнонаемных распускали по домам. А это означало неминуемое расставание с Зельдой. Она никогда не выйдет за нищего!

Тем не менее со свойственной юности самоуверенностью Фицджеральд отправился в дом

«Если бы не Зельда, я бы, должно быть, года на три вообще исчез с горизонта. Нанялся бы матросом или придумал для себя другое занятие, связанное с грубой работой, потому что ужасно устал от той дряблости, полунинтеллигентности и расслабленности, которую мне приходится делить со своим поколением».

только, молодой красавец, бедный писатель хочет расстаться с жизнью, потому что не мыслит таковой без ее дочери! Конечно, судья Сейр человек небедный и мог бы дать им денег. Но это пошло, глупо и вообще так не принято.

Тем не менее Минни Сейр все же поговорила с мужем, и тот, желая скорее отвязаться от романтических бредней своей супруги, вынес ни к чему не обязывающее, но обнадеживающее решение: пусть юноша отправляется в Нью-Йорк, подыщет себе хорошую перспективную работу, а там уж посмотрим...

Нью-Йорк ошеломил Фицджеральда. Небоскреб «Вулворт», знаменитая светящаяся реклама «Бег колесниц», витрина ресторана в отеле «Плаза», сделанная на манер аквариума, в котором красивые девушки-русалки плавали в компании томных пучеглазых омаров. Все эти чудеса Скотт подробнейшим образом описывал в ежедневных посланиях своей любимой. Но Зельда оставляла их без комментариев. Зато в каждом письме спрашивала: «А как твоя жизнь?», давая понять, что не верит, будто эти отели, русалки и омары имеют какое-то отношение к его нищей жизни.

Так оно и было. Фицджеральд устроился на работу в рекламное агентство. Жалованья едва-едва хватало на комнату в Бронксе и пропитание.

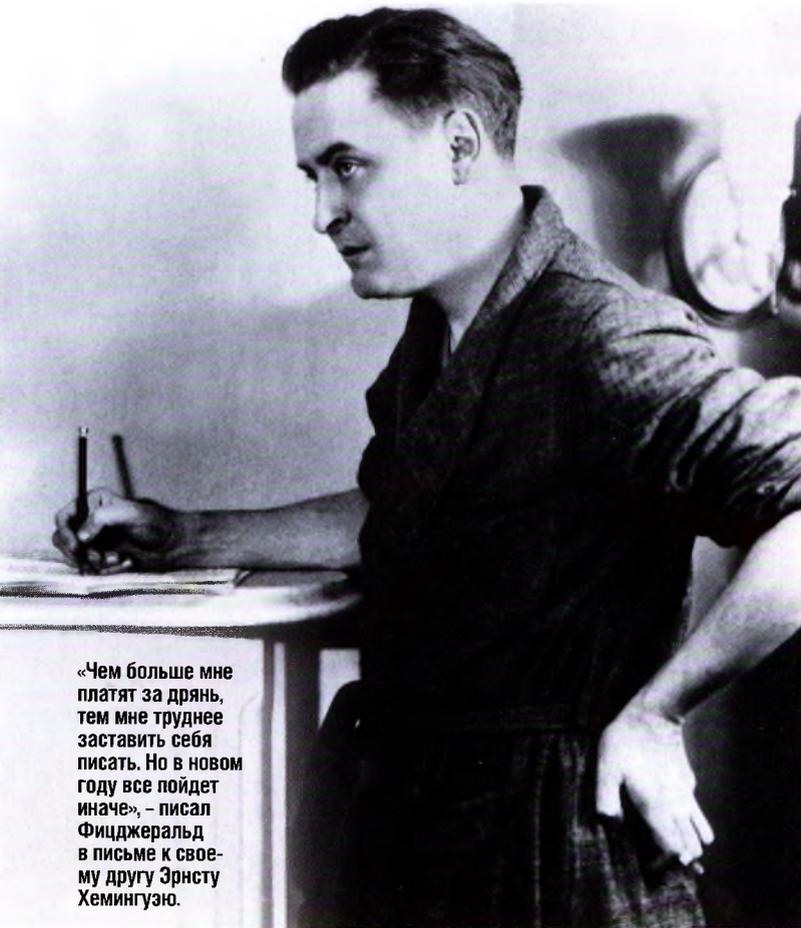
Были еще гонорары за рассказы, которые он посылал в «Смарт сет». Первый, в размере 30 долларов, он потратил на веер из алых перьев – подарок для Зельды. Еще три перевода пошли на золотое колечко для нее же. Кольцо было необходимо как подтверждение серьезных намерений Фицджеральда.

ФИЦДЖЕРАЛЬД УСТРОИЛСЯ В РЕКЛАМНОЕ АГЕНТСТВО. ЖАЛОВАНЫЯ ЕДВА-ЕДВА ХВАТАЛО НА КОМНАТКУ И ПРОПИТАНИЕ

- Сейров просить руки прекрасной Зельды. Как и следовало ожидать, Зельда ответила отказом. И тогда Фицджеральд применил запрещенный прием – пригрозил подруге самоубийством. Зельда заплакала, обвила шею возлюбленного прохладными нежными ручками и сказала: «Я не хочу, чтобы ты умирал. Но разве лучше нам обоим умереть от голода?»

Мамаша Сейр, посвященная в эту драму, нашла ситуацию весьма романтической. Подумать

СКОТТ И ЗЕЛЬДА ФИЦДЖЕРАЛЬД

«Чем больше мне платят за дрянь, тем мне труднее заставить себя писать. Но в новом году все пойдет иначе», – писал Фицджеральд в письме к своему другу Эрнсту Хемингуэю.

«Я НИКОГДА НЕ ЛГУ, ПРОСТО ПОТОМУ, ЧТО У МЕНЯ ПЛОХАЯ ПАМЯТЬ. БОЮСЬ ЗАПУТАТЬСЯ», – ПИСАЛА СКОТТУ ЗЕЛЬДА

Дело в том, что в последнее время Зельда в своих письмах часто упоминала какого-то профессионального игрока в гольф. Даже призналась, что ездила с ним на турнир в Атланту. Она вообще никогда и ничего не скрывала. «Знаешь, милый, в этом отношении ты можешь на меня положиться. Я никогда не лгу, просто потому, что у меня плохая память. Боюсь запутаться. Вот тебе еще одно доказательство моей дурной памяти: я все время забываю имя моего нового поклонника. И часто называю его Скотти. А он сердится. Вот глупый!»

Получив это письмо, Фицджеральд немедленно помчался в Монтгомери. Он умолял, угрожал, требовал, чтобы Зельда немедленно вышла за него замуж. Или они женятся,

или расстанутся навсегда! Зельда предпочла второе.

В Нью-Йорк Фицджеральд не вернулся. Уехал домой, в Сент-Пол, и принялся за перепелку романа. Он работал над ним почти пять месяцев. Но по накалу страстей эти пять месяцев – ничто в сравнении с двумя неделями, в течение которых он ожидал ответа из издательства.

Положительный ответ пришел 5 марта 1920 года – день, который Фицджеральд запомнил на всю жизнь. И бесконечно воспроизводил его во всех своих романах, рассказах и эссе. Потому что это был самый счастливый день в его жизни. Если, конечно, не считать тот день, когда Зельда согласилась стать его женой. Собственно, почему бы ей и не согласиться? Теперь жених был не только богат, но и знаменит. В том же году Скотт и Зельда поженились.

Весь тираж романа, вышедшего под новым названием «По эту сторону рая», был раскуплен за три дня. Фицджеральд немедленно заключил договор о переиздании. Собственно, дело тут даже не в рома-

не. Роман и впрямь был неплохой, но не более того. И в том, что Нью-Йорк вдруг совершенно неожиданно для самого Фицджеральда объявил его едва ли не пророком нового поколения, было не только и не столько признанием его литературного таланта, сколько требованием времени.

Наступала эпоха джаза. Причем под этим словом в первую очередь понимались деньги, во вторую – секс, и только в третью – музыка. Удачливые игроки на бирже за пару часов сколачивали миллионные состояния. Это не открывало им двери в особняки старых богачей на Пятой авеню. Но, правду сказать, в Нью-Йорке были места и повеселее, где виски лилось рекой, где красивые девочки лихо отплясывали джаз и потешно курили сигары.

СКОТТ И ЗЕЛЬДА ФИЦДЖЕРАЛЬД

«Когда после всех колебаний я все-таки решил жениться на твоей матери, я знал, что она уже испорчена. Появилась ты, и несколько лет наша жизнь была счастьем», – писал позже Скотт дочери Скотти.

ОБА БЫЛИ МОЛОДЫ, ЛЮБИЛИ ПОДУРАЧИТЬСЯ И ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЛИ, КАК РАСПОРЯДИТЬСЯ ЭТИМИ ДАРАМИ СУДЬБЫ

➤ Не было только подходящей трибуны для выражения духа новой эпохи, и не было толкового глашатая. И тут появился Фицджеральд со своей прекрасной Зельдой.

В отличие от старой богемы, что собиралась у Макса Боденхайма, эти ребята не заморачивались на «святом искусстве». Они говорили понятным языком, одевались по последней моде и моли просто переписать любого гангстера. А как они танцевали чарльстон! И неважно, что на самом деле оба, и Скотт, и Зельда, знали о нью-йоркском обществе меньше, чем любой из неприкаянных юнцов, что вечно околачивались в бальном зале отеля «Ритц». Важно, что это общество их признало.

Газетные репортеры бегали за ними по пятнам и интересовались их мнением по вопросам, в которых мистер и миссис Фицджеральд ровным счетом ничего не смыслили. Пустяки! Довольно скоро они научились ловко лепить всякую чепуху, и эта чепуха тотчас утверждалась как авторитетное мнение. Ни один шаг короля и королевы не проходил незамеченным.

«Вчера вечером полицейские арестовали Зельду Фицджеральд за купание в городском фонтане. – сообщала газета Daily News. – На вопрос, как миссис Фицджеральд очутилась в столь неподобающем месте, она ответи-

ла, что ей было жарко и она решила освежиться».

«Скотт Фицджеральд разделся догола на премьере спектакля «Скандаль!» В беседе

с нашим репортером он объяснил свой поступок тем, что пришел на «Скандаль», но никакого скандала не увидел и решил устроить его сам».

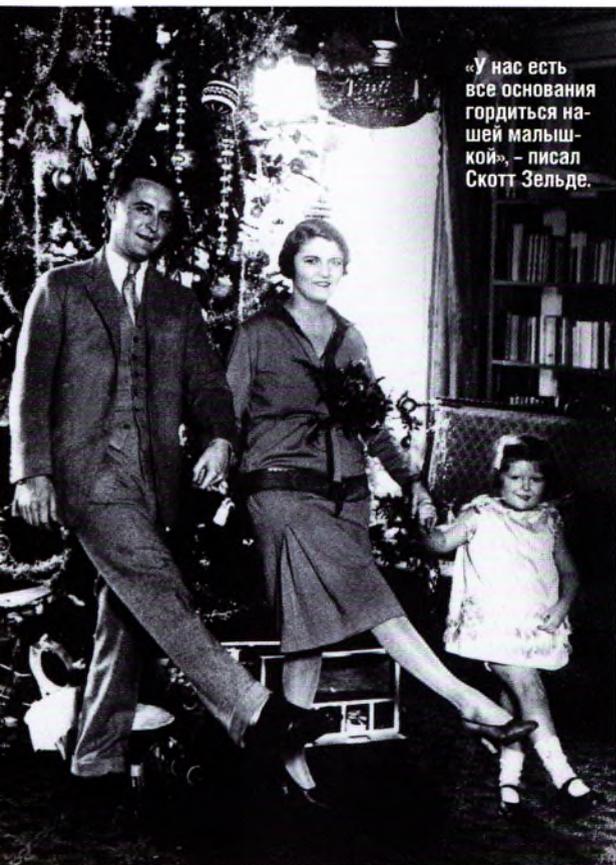
«Зельда и Скотт Фицджеральд прокатились по городу на такси. При этом Скотт сидел на крыше автомобиля, а Зельда возлежала на капоте».

«На вечеринке у Конде Наста Зельда сняла с себя трусики и преподнесла их хозяйину».

Зачем? Вряд ли они и сами знали это. Просто оба были молоды, любили подураться и понятия не имели, как им распорядиться всеми этими дарами судьбы, которые съпались на них как из рога изобилия. Жизнь крутилась каруселью. Правда, через два года карусель ненадолго притормозила – у Фицджеральдов родилась дочь. Девочку назвали в честь отца – Фрэнсис Скотт, Скотти. У родителей все-таки хватило ума сообразить, что жизнь в Нью-Йорке не слишком хороша для младенца. И они уехали в Сент-Пол. Там, в тишине и покое, Фицджеральд вновь попытался писать, но Зельда настойчиво требовала внимания.

Роль мамы казалась ей скучной. Заботу о девочке она целиком возложила на прислугу с единственным пожеланием: «Хочу, чтобы Скотти выросла красивой и глупой». Забегая вперед, заметим, что девочка маминых ожиданий не обманула. Через год Фицджеральд под-

СКОТТ И ЗЕЛЬДА ФИЦДЖЕРАЛЬД

«У нас есть все основания гордиться нашей малышкой», – писал Скотт Зельде.

ние к себе, он все-таки нес его в редакцию, потому что знал: что бы он там ни принес – примут и оплатят по высшему тарифу. Однако пора было приниматься за настоящее дело. Как минимум, для этого нужно было покинуть Нью-Йорк.

Они уехали на Ривьеру. Фицджеральд обдумывал идею нового романа. Он стоически запер себя на вилле, избегая посещения баров, коих там оказалось великое множество, и в каждом заседали его соотечественники. В середине 20-х сюда хлынули нувориши – богема, у которой хватало средств, чтобы придать своим будням известное изящество. Какие-то художники, поэты, ищущие рифмы на дне бутылки, балетнолягие длинноволосые мальчики 50 лет, мечтательные бледные девы и их толстые мамы, увешанные бриллиантами...

Вся эта публика до смерти надоела Скотту еще в Нью-Йорке. Зельда же охотно общалась со всеми, флиртвала направо и влево и завела привычку частенько ночевать вне дома. Надо сказать, что увлеченный работой Фицджеральд заметил это не сразу. А заметив, постеснялся выговаривать жене – в конце концов, раз у него нет времени развлекать Зельду, пусть развлекается сама как может.

➤ дался уговорам жены, и они вернулись в Нью-Йорк – подтверждать репутацию бесшабашных прожигателей жизни.

Но что-то уже изменилось и в городе, и в них самих. Нью-Йорк запыл жиром, отрастил брюхо, отупел от бесконечных развлечений. Перед Фицджеральдами маячила та же перспектива. Их выходы по-прежнему вызывали восторг публики, но уже потеряли ту непосредственность и походили скорее на продуманные акции. Оба пили так много, что похмелье стало чем-то вроде времени суток, как сиеста у испанцев.

Иногда Фицджеральду удавалось написать какой-нибудь рассказ или очерк, надо сказать, весьма посредственный. Преодолевая стыд и отвраще-

«Тебя будут интервьюировать, и я еще раз прошу тебя не обсуждать с газетчиками ничего из того, что касается твоей матери или меня», – будет просить Скотт свою дочь.

Единственное, о чем просил, – это поменьше пить. Но, несмотря на этот режим максимального благоприятия, Зельда вдруг неожиданно заговорила о разводе. Она влюблена. Его зовут Эдуард Жозе. Француз, красавец, летчик. Она надеется, что Скотт не будет чинить им препятствий...

Бог весть, что там учинил Скотт. Он никогда не вспоминал об этой истории. Не говорил об этом даже с лучшим другом Хемингуэем. Известно только, что Эдуард Жозе бесследно исчез из жизни Зельды, а сама она, желая покончить жизнь самоубийством, напилась снотворного. Однако была спасена. И вскоре после того, как здоровье ее поправилось, супруги Фицджеральд переехали в Париж.

В Париже Зельда поначалу принялась за старое, то есть пила, скандалила и пыталась привлечь к себе внимание любыми способами. Однажды, когда они ужинали в модном ресторане «Ла-файет», в зал вошла Айседора Дункан. Взгляды публики устремились на известную танцовщицу, люди приветствовали ее, улыбались. С танцовщицей поздоровался и Скотт. И тогда Зельда выскочила из-за столика, взбежала по лестнице на второй этаж, вскочила на перила и бросилась вниз. Представьте, обошлось ушибами.

Говорят, Господь хранит юрودивых и пьяных. А Зельда была пьяна и явно психически нездорова. Об этом Фицджеральду говорили многие, да он и сам замечал странности в ее поведении. Но странности эти проявлялись на фоне их странной жизни, а потому были неочевидны. Поди разбери, где там культурный жест, а где шизофрения!

Перед тем как Зельда в 1930 году попала на прием к самому Оскару Фаррелу, знаменитому психиатру того времени, Фицджеральду пришлось пережить ее безумное увлечение бале-

«Я долго ненавидел ее мать за то, что та не воспитала в ней никаких полезных жизненных навыков, да и вообще не научила ее ничему, кроме самонадеянности и уверенности», – писал Фицджеральд про свою дочь Скотти.

ТОГДА ЗЕЛЬДА ВЗБЕЖАЛА ПО ЛЕСТНИЦЕ НА ВТОРОЙ ЭТАЖ, ВСКОЧИЛА НА ПЕРИЛА И БРОСИЛАСЬ ВНИЗ. ОБОШЛОСЬ УШИБАМИ

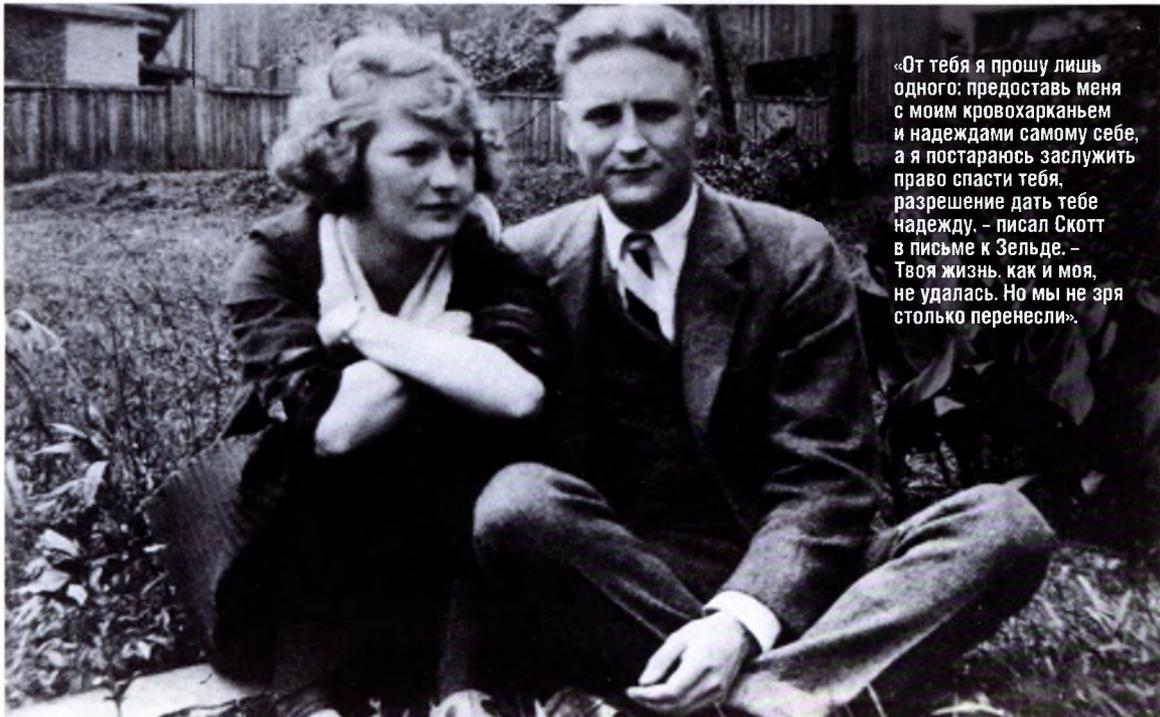
том – Зельда поставила перед собой нереальную, учитывая ее 28 лет, цель – получить ангажемент в дягилевской труппе и тренировалась каждый день по 5–6 часов; покушение на собственную жизнь – «милый, ОНИ все равно убьют тебя, лучше ты умрешь от моей руки», да много чего.

Но любовь сильнее здравого смысла. Фицджеральду никак не хотелось верить, что его возлюбленная – психически нездоровый человек. Может, ее организму просто не достает железа или витаминов. Нужно просто уговорить ее бросить эти диеты и тренировки, и все наладится.

Но ничего не налаживалось. Заключение доктора Фаррела растянулось на две страницы: «мания преследования», «кататония», «маниакально-депрессивный психоз».

Медицинская карта Зельды Фицджеральд пополнялась новыми и новыми записями: больница в Балтиморе, госпиталь в Северной

СКОТТ И ЗЕЛЬДА ФИЦДЖЕРАЛЬД

«От тебя я прошу лишь одного: предоставь меня с моим кровохарканьем и надеждами самому себе, а я постараюсь заслужить право спасти тебя, разрешение дать тебе надежду. – писал Скотт в письме к Зельде. – Твоя жизнь, как и моя, не удалась. Но мы не зря столько перенесли».

► Каролине, клиника в Эшвилле. По всем этим печальным местам он путешествовал вместе с ней. Селился в близлежащих отелях, вел разговоры с ее докторами, лихорадочно строчил рассказы, потому что лечение требовало больших денег, а денег не было, они никогда не делали сбережений.

Это продолжалось долго, почти десять лет. «Такая любовь бывает раз в столетие», – писал Фицджеральд в дневнике. Он продолжал любить свою бедную безумную Зельду и мучиться, думая, не он ли причина ее сумасшествия? Он не должен был позволять ей так много пить. Он должен был отпустить ее с этим французом, сукиным сыном Жозе. Наконец, он не должен был бесконечно множить ее личность в своих романах. Ведь он всегда описывал только ее, потому что ее одну он любил, ее одну считал достойной внимания. Может быть, она запуталась, читая его романы, не сумела найти, где кончается настоящая Зельда и начинается выдуманная Николь Дайвер, и оттого сошла с ума? Иногда он пытался убежать от этих вопросов – в запой или в объятия какой-нибудь другой женщины. Ведь ему еще не было сорока, он был хорош собой и нравился многим женщинам. В том числе и весьма достойным. Беатрис Дане, красивая, умная и богатая, сама сделала ему предложение. Предложила начать новую

жизнь, в которой не будет хронического безденежья и хронического безумия. Она возьмет на себя все расходы на оплату лечения (предложение тем более ценное, что эпоху джаза сменила Великая американская депрессия), Фицджеральд сможет по-прежнему навещать Зельду. Он отказался. Ибо был уверен: он – единственная ниточка, которая еще как-то связывает Зельду с этим миром, и если ниточка оборвется, он перестанет считать себя достойным какой бы то ни было жизни, не то что новой и счастливой. Пусть уж все идет как есть.

Все так и шло до весны 1940-го, до сердечного приступа, который случился с ним прямо за рабочим столом над рукописью своего так и оставшегося неоконченным романа «Последний магнат». По иронии судьбы это произошло в квартире очередной любившей его женщины, кинокритика Шейлы Грэм...

Безумная Зельда пережила его на восемь лет и погибла во время пожара, случившегося в психиатрической клинике, где она содержалась. Все эти восемь лет она постоянно разговаривала с мужем, обращалась к «милому Скотти» так, будто он рядом. Ни врачи, ни родные не пытались разубедить ее. И вовсе не потому, что она была больна. Просто, как знать, может, он и впрямь был рядом? ■